

**ПОЧИТАНИЕ ЧИСЕЛ 7 И 40
И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ПРЕДАНИЯ.
ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ У КУБАЧИНЦЕВ**

Почитание чисел, числовые суеверия и связанные с ними предрассудки известны у многих народов (*Шамилев А.И.*, 1963. С. 22; *Чистяков И.*, 1958. С. 126–131; *Булатов А.О.*, 1991. С. 60; Энциклопедия символов, 2005. С. 42–89). Пережитки их сохраняются и в настоящее время.

У кубачинцев особенно почитались числа 7 и 40. В легендах, преданиях, фольклоре, обыденной речи, в свадебных и похоронных обрядах и т.д. постоянно фигурируют эти числа. В меньшей степени почиталось число три.

По преданию, с. Кубачи «собралось в одно место из семи селений» (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 11). Жители верхнего квартала на 7 лет позже приняли ислам, чем жители нижнего квартала (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 171)¹. В средние века и позднее кубачинским обществом управлял особый общественный орган (или общественный институт), именуемый Чине (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 173–178). Это был Совет старейшин, избираемый джамаатом на народном сходе на определенный срок – на год или на несколько лет. Чине состояло из семи членов. Число это в разные периоды истории менялось. В ведении Чине были исполнительная власть и военная организация. Кроме того, оно являлось и судом. Главу Чине семь раз посылали к виновному для исполнения решения Чине (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 181). В непосредственном подчинении Чине находилась особая военная организация (военная дружина) Батирте, состоящая из неженатых молодых людей. Эта организация включала 7 отрядов по 40 человек в каждом, управлявшиеся каждый своей семеркой: три так называемых «бикI-халел», из которых один был самым главным, три «туманна-халел» и один «бикIелталла-халел».

В функции Батирте входили: сторожевая служба, охрана с. Кубачи от внешних нападений, грабежа и разбоя, военные действия с жителями соседних селений с целью защиты принадлежащих кубачинцам лесных и пастбищных угодий, скота, табунов лошадей; защита интересов кубачинского общества от посягательств соседних феодальных правителей или же «вольных обществ» и т.д. (*Маммаев М.М.*, 2005. С. 78).

Из числа членов Батирте выбирались так называемые «чябхъунниже бахъанте» («чябхъун» – наступление, нападение, «бахъанте» – идущие, осуществляющие) – вооруженные лица, иначе говоря, специально обученные воины, которые совершали военные наступательные операции. В распоряжении «чябкунцев» всегда находились наготове семь оседланных лошадей. При необходимости количество их увеличивали.

В с. Кубачи в средние века «было 7 башен, и в каждой было по 40 человек» (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 177). В разговорах часто употребляются выражения: «ве

¹ С глубокой древности существовало деление селения на 2 квартала – верхний («башалла») и нижний («хъашалла») с некоторыми элементами антогонизма между ними. Е.М. Шиллинг правильно отмечает, что в этом «проглядываются следы фратриального устройства с пережитками дуально-родовой организации» (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 171).

шилла шанте» – семи аулов народ, т.е. много людей; «ГІяхле вежина биккахат бакъа» – если семь раз захочешь, сделай; «вежина гъаад ицце» – семь раз сказал (говорил) тебе; «веда там – сурмяв дехиб михъ бакъила» – справлю (справим) свадьбу, сыграв на 7 барабанах и зурнах.

Для обозначения слишком высокого дома применяется эпитет «ве дяхла ахъшуд хъулбе» – в семь этажей высокие дома (хотя дома эти могут иметь высоту в 4–5 этажей).

Когда идет сильный ливень, говорят «веда цуппе лукъдиникатигул чибутул саб» – с семи небес, низвергаясь, идет дождь (ливень). Существует проклятие «ве бала бакІ» – чтобы постигло 7 несчастий. Это число встречается и в поговорках: «Вежина гъаакажила игъегъу» – не поймет, не сказав семь раз; «Са бакІале ве дикІу, веал сукъуржуд дикІу» – если случится одна беда – быть 7 бедам, т.е. беда одна не приходит; «Хъилигили са манагъ, масла вагъли ве манагъ» – вору один грех, владельцу имущества семь грехов (поговорка эта приведена: *Магоматов А.А.*, 1963. С. 287; *Абакарова Ф.О.*, 1996. С. 234).

Число 7 встречается и в топонимике: «Ве хъихъла къаттала» – ущелье семи орехов, находящееся на полпути из с. Кубачи в соседнее с. Сулевкент. Жители этого селения в 1944 г. были переселены в Шурагатский район Чечено-Ингушетии, а после возвращения чеченцев и ингушей на свою родину сулевкентцы были поселены в Хасавюртовском районе Дагестана, где проживают и ныне. В прошлом кубачинцы для размола зерна часто ходили в с. Сулевкент, где находились водяные мельницы.

Число 7 фигурирует у кубачинцев и в лечебной магии. Если человек заболел и подозревали, что его сглазили («улебичиб»), то прибегали к лечебной процедуре, называемой «булкъа-цІа дакъи» (букв. «дым – огонь сделать»). Она заключалась в следующем. У того человека, которого подозревали в сглазе, крали лоскут ткани или, в крайнем случае, тряпки. В нем вырезали 7 небольших отверстий. Затем брали 7 вырезанных кусков ткани (тряпки), 7 зерен крупнозернистой поваренной соли. К ним добавляли немного серы, а также фрагмент змеиной кожи¹. Держа все это в руке, тот, кто совершал обряд лечения (обычно один из членов семьи или близкая родственница больного – мать, бабушка, тетка), делал вращательные движения рукой над больным, читал специальную заклинательную формулу:

Ликалла сула бургІаб,
Синна уле бацІаб,
ШетІанна уле сукъур бухаб,
Уле бикахъибилла кІихъте цце дикъле уле гІякъягъаб,
УкІе басле къякъчивдитІунилла
УкІилце ахъа бинбидухъаб,
Йште сабаб духаб,
Аллагъ кумак ухаб.
По смыслу эта формула переводится так:
Пусть сломается зуб костяной,
Пусть ослепнет глаз сглазившего,
Пусть ослепнет глаз шайтана (черта),

¹ Кубачинцы в прошлом верили в магическую силу змеиной кожи. По поверью, если иметь при себе кожу змеи, сброшенную ею, то ее владельцу не пристанут болезни, а змеиный укус будет безвредным. Поэтому мужчины в папахе (между тульей и верхом доньшка) носили змеиную кожу. Ее клали также в люльку, под матрац с целью ограждения ребенка от болезней и нечистых сил.

Пусть треснет глаз у того, кто сглазил,
как треснут эти соли.
У того, кто смотрел с недоброй душой,
Пусть продырявится сердце.
Пусть принесут эти [что в руке] исцеление,
Да поможет Аллах [вылечиться].

После чтения заклинательной формулы, поплевав несколько раз на набор из вырезанных кусков ткани (тряпки), соли, серы, фрагмента змеиной шкуры, бросали его в огонь камина, печи или же на мангал. Считалось, что после этой процедуры болезнь, насланная на больного, выходит из его тела и вместе с дымом улетучивается.

Не менее почиталось у кубачинцев и число 40. В одной из легенд, широко бытующей и ныне среди кубачинцев, рассказывается, что в местности «Кьалла хьу» на юго-западной окраине нижнего квартала старой части с. Кубачи погребено 40 воинов – «батирте» – погибших во время стычки с жителями с. Калакорейш из-за владения пастбищем на склоне горы «Лямцла бяй» (*Шиллинг Е.М., 1949. С. 7*).

Выше отмечалось, что военная дружина Батирте состояла из 7 отрядов по 40 человек в каждом. По преданию, башня, находившаяся на юго-западной окраине верхнего квартала с. Кубачи, – «Батирталла цИи» была резиденцией 40 богатырей, которые охраняли жителей селения, наказывали за проступки, судили и решали все дела (*Шиллинг Е.М., 1949. С. 7, 11, 153*).

Число 40 фигурирует, как было сказано, в свадебных, похоронных и других обрядах. Молодая жена в течение 40 дней после свадьбы должна была носить нарядную свадебную одежду и украшения. В течение этих 40 дней она не должна была выполнять тяжелую физическую работу – ходить в лес за дровами, в поле за сеном, на мельницу и т.д.

В течение 40 дней в комнате, где живут новобрачные («цИикайла хьал» – комната новобрачной) не производили уборку, не делали побелку, не вешали на стены комнаты полученную в приданое посуду – блюда, тарелочки, подносы и др., не стряхивали ковров – чтобы, по поверью, молодожены жили дружно и спокойно. В течение 40 дней полагалось никому ничего не давать из комнаты молодоженов. Если даже во время свадьбы в комнату молодоженов случайно попадали чужие вещи (родственников, друзей, соседей) – посуда, стол, стулья, кувшин для воды и т.д., то до истечения 40 дней их не возвращали хозяевам. Существует даже поговорка: «цИикайла хьилил сиклабха гьадабулча» – в комнате новобрачной нельзя брать (выносить) вещи [до истечения 40 дней после свадьбы].

На 40-й день после свадьбы совершался так называемый обряд «чахлук чикабулчне». Сущность его заключается в следующем. На второй день свадьбы в доме молодоженов собирались их родственницы. Оттуда они процессией шли в дом родителей новобрачной. Шествие это сопровождалось игрой на зурне и барабане. Взяв в доме родителей новобрачной ее приданое – платья, отрезки тканей, головные расшитые уборы «клары», посуду и т.д., а также подарки жениха, данные невесте при сватовстве («хьад ячи дехьибжуд»), женщины возвращались в дом молодоженов. Процессия эта носила торжественный характер и называлась «чантуппе кахьхьи» – принести мешки: женщины несли приданое и подарки в специальных небольших декоративных мешках, а также на руках (посуду). По прибытии в дом молодоженов посуду предварительно раскладывали на полках для посуды – «агьцIунбе» или ставили прямо на пол у стены с полками,

а платья, отрезы тканей, белые вышитые головные уборы «кІазы», сложив аккуратно, накидывали на специальную жердь – «чахлух», укрепленную горизонтально в комнате молодоженов у одной из ее стен, ближе к потолку, с помощью веревок, свисающих с него. А те из вещей, которые не успели расставить или уложить нужным образом, оставались в таком положении до истечения 40 дней. После 40 дней, прошедших со дня свадьбы, в доме молодоженов снова собирались женщины-родственницы, чтобы совершить обряд «чахлух чикабулчне» – в торжественной обстановке после соответствующей трапезы снимали с жерди платья и все, что на ней находилось. Причем часть из них, специально выделенную родителями новобрачной и предварительно оговоренную, раздавали родственницам мужа новобрачной. Обычно это головные уборы «кІазы», отрезы тканей. А остальное клали в сундук, полученный новобрачной от ее родителей в качестве приданого. Тогда же окончательно расставляли по полкам и вешали на стену посуду (фарфор, фаянс, металлические сосуды).

К 7 и 40 дням приурочивались также обряды, связанные с рождением первого ребенка. По истечении 7 дней со дня его рождения бабушка по матери готовила для своего внука или внучки люльку. Ее заранее заказывали мастеру или покупали готовую. На восьмой день мать относила полностью снабженную всеми необходимыми принадлежностями (матрацы, одеяло, подушечка, накидка и т.д.) люльку к своей дочери, у которой родился ребенок. Вместе с люлькой несли еще еду примерно на 10–15 человек – плов, чуду, курзе и др.

В этот же день у молодоженов собирались приглашенные родственники – мужчины и женщины, которые приносили с собой подарки для ребенка, обычно одежду. Все собравшиеся осматривали люльку и давали ей оценку – хорошую или посредственную. После этого угощали всех собравшихся. Одна из ближайших родственниц отца или матери ребенка, или сама бабушка ребенка, принесшая люльку, торжественно в присутствии всех участников обряда укладывала ребенка в люльку. При этом она сначала произносила мусульманскую формулу «бисмилла», а затем пела одну из кубачинских колыбельных песен (Абакарова Ф.О., 1996. С. 127). Весь этот обряд, который бытует и ныне, носит название «гал лакъуйле видихъне» – укладывание ребенка в люльку. Если в люльку укладывали мальчика, то процедура носила более торжественный характер, чем укладывание девочки. При совершении этого обряда давали и имя ребенку.

До истечения 40 дней со дня рождения ребенка обычно не выносили из дома, кроме как на лоджию, балкон или закрытый дворик; не ходили с ним к соседям или друзьям. На этот счет и ныне существует поговорка: «Гал агъцІале ухакал таигъегъу» – пока не исполнится 40 дней, ребенка не выводят из дома.

На 40-й день мать вместе с ребенком ходила к бабушке ребенка, которая собирала по этому случаю своих родственников и ближайших соседей. Гостей угощали специально приготовленной для этой цели едой, а те поздравляли мать и бабушку ребенка с исполнением ему 40 дней. Бабушка дарила внуку (внучке) что-нибудь – одежду или украшения. Данный обряд носит название «гал таагъи» – вывести ребенка [из дома]. В обряде участвовали и мужчины, которые собирались у дедушки ребенка по матери отдельно от женщин. В прошлом же в обряде участвовали только женщины.

Как было отмечено, числа 7 и 40 фигурируют и в похоронных обрядах. До истечения 40 дней после смерти близкого человека в каждую пятницу вечером готовили халву («бахъухъ»). Ее ели совместно с родственниками и близкими умершего. После смерти близкого человека 40 дней продолжался траур. В течение 40 дней родные и близкие умершего носили траурную одежду, не веселились, не

появлялись в общественных местах. На могиле умершего в течение 40 дней читали молитву. На 7-й и 40-й день устраивали поминки.

Часть поверий и примет тоже была связана с числом 40. Считалось, что если вскрыть могилу, то на 40 дней может установиться ненастная погода («хяб чигъаттахъале агъцIале чибута»). Если при густом тумане гремит гром, то на 40 дней в горах могут установиться дождливые дни («дихъигуб къукъу букIахан агъцIале агъ чикабику»); если разрушить муравейник, то на 40 дней может установиться дождливая погода («думдалла ще тIутIбакъале агъцIале чибута»).

Некоторые хозяйственные работы – генеральная уборка дома после зимы, чистка домашней посуды и утвари и т.д. приурочивались к сороковому дню после наступления весны («абла агъцIале духубжила»).

Число 40 отражено и в кубачинских поговорках: «АгъцIал сулалил табичибзиб агъцIалла лумжя бидигъу» – вышедшее из сорока зубов в 40 ртов попадает (в смысле «скажешь с уха на ухо, узнают с угла на угол») (*Магомедов А.А.*, 1963. С. 286; *Абакарова Ф.О.*, 1996. С. 239). Как пишет Е.М. Шиллинг, «число 40 в исламском слое верований народов Кавказа играет особую роль. С этим числом связана и знаменитая святыня Кирхляр в Дербенте – могила 40 правоверных воинов, по преданию арабов, павших в бою от рук иноверных» (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 175).

Числа 7 и 40 вошли и в старые адаты (обычное право) кубачинцев. По адату, если человека обвиняли в убийстве, то, чтобы доказать его невиновность 40 родственников и сам обвиняемый должны были поклясться, что он не убивал. Если 40 родственников не набиралось, позволялось поклясться и семерым (*Магомедов А.А.*, 1963. С. 325).

Эти же числа часто встречаются в судебнике «Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго» – памятнике истории и письменности даргинцев, составленном в XVII в. (*Магомедов Р.М.*, 1964). Во многих статьях этого судебного кодекса нашли отражение нормы обычного права даргинцев (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 18). Приведенный выше отрывок по обычному праву, а также содержание судебного кодекса позволяет предположить, что и кубачинцы в своей судебной практике руководствовались «Сводом заповедных законов Кайтаг-Дарго».

Профессор Р.М. Магомедов считает кайтагский судебник «своего рода сборником норм обычного права, восходящего к первобытно-общинному строю и феодальному праву» (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 18). Интересно, что числа 7 и 40 чаще встречаются в тех статьях судебного кодекса, в которых проступают именно нормы обычного права.

Согласно этим статьям:

«За преднамеренное убийство пусть прольется кровь семи кровников ...» (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 27).

«Если вор будет уличен во лжи, взыскать с него в десятикратном размере, если же будет отказываться от совершенного, отрицать воровство, то для подтверждения его правоты должны поклясться семь амхаров»¹ (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 28).

«Если придет человек и скажет, что он тем-то ранен, что тот стрелял в него, что он узнал того, то принять его слова во внимание при подтверждении их клятвой семи амхаров вместе с его тухумом» (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 28).

«Если обкрадут мечеть, взыскать в десятикратном размере, конфисковать дом, в случае подозрения привести к ответу сорок человек» (*Магомедов Р.М.*,

¹ Амхары – почетные, именитые сельчане, которые были известны своим безупречным поведением (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 78).

1964. С. 30).

«Если огнем будет нанесен убыток снопам или дому, привести к ответу сорок человек ...» (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 30).

«Если человеку во время отлучки без всякой его вины в результате ссоры, грабежа, засады его аулу, ему самому, его стаду или имуществу, главе села, талкану или узденю с целью или по ошибке будет причинен убыток, то убыток этот должен возместить Дарго и жители селения в семикратном размере» (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 30).

«В случае, если мужчина убьет, потом скроет, с него трехтысячный штраф и семеро кровников ...» (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 30).

«Если будет говорить, что человек, который уходил от тебя, сделал зло, подтверждено должно быть ручательством сорока лиц» (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 30).

«За убийство на собственном мюльке¹ человека, не являющегося кровником и с которым не было ссоры, букъ² в семикратном размере, ответ семикратной кровью» (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 31).

Очень часто встречаются числа 7 и 40 в устно-поэтическом творчестве кубачинцев и даргинцев. Так, в одной из кубачинских песен о мастерах поется о том, как девушка посылает приветы своему возлюбленному «столько, сколько растет травы за семь лет, сколько листьев на высоком дереве» (*Абакарова Ф.О.*, 1996. С. 51). В другой песне говорится: «Моя любовь так широка, как раздолье трав, выросших за семь лет» (*Абакарова Ф.О.*, 1996. С. 56). В песне-проклятии упоминается «семь аршинов шелка из Нухи» (*Абакарова Ф.О.*, 1996. С. 100). В юмористической песне девушка так отзывается о влюбленном в нее парне: «Говорят, что он прославленный храбрец, если даже он герой – не хочу! Говорят, что у него семь орденов, если даже 70 – не хочу!» (*Абакарова Ф.О.*, 1996. С. 114).

В даргинской балладе «Касамил Али» рассказывается о сестре семерых джигитов, которая

«Просо в далеком поле
Она убирала одна.
Семь конных на перевале
Вдруг увидала она.
Кони семерых вороные –
Рысь, как ветер, быстра.
Кинжалы у них дорогие
Черногого серебра» (*Песни народов Дагестана.* 1970. С. 156).

В балладе «Храбрый Инжалуп» излагается, как «... отважный Инжалуп вскинул крымское ружьё, семь нукеров он убил и поранил семерых...» (*Песни народов Дагестана,* 1970. С. 173). В песне «Бедный парень из Кубачи» говорится, как парень из Кубачи «семь монет расплавил и в перстнях камни оправил в подарок милой своей» (*Песни народов Дагестана,* 1970. С. 173). В сказке «Шапки Малла-Насредина» рассказывается о том, как мастер из одной шкурки сшил семь шапок (*Магомедов А.А.*, 1963. С. 327).

¹ «В понятие мюльк горцы включают всю движимую и недвижимую собственность» (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 78).

² «Букъ – буквально штраф. В данном случае речь идет о расходах по ранению или смерти. В горах было принято следующее: если в драке двое смертельно ранят друг друга и один из них в результате нанесенных ран умрет раньше другого, то оставшийся в живых обязан был нести все расходы по похоронам умершего» (*Магомедов Р.М.*, 1964. С. 78).

В сказках «Золотая птица», «Мачеха», «Двадцать один брат и сестра» описывается, как герой - молодец побеждает в отчаянной борьбе семиглавого аждаху (дракон) – чудовище, расположившееся у родника и не допускавшее людей к воде (Абакаров Ф.О., Алиева Ф.А., 1999. С. 137. 140).

В одной из кубачинских сказок о животных друзья козлик и теленок встречаются с семьей волками (Абакарова Ф.О., 1996. С. 224). В даргинской сказке «Кадий-кузнечик» описывается, как мальчик 7 дней и 7 ночей гадал с помощью «священных» книг, куда делся утерянный фамильный перстень хана (Даргинские сказки, 1963. С. 30–31). Тот же мальчик, которому хан дал 40 дней и 40 ночей для того, чтобы он нашел похищенную ханскую казну, не умеющий даже сосчитать до сорока, чтобы не ошибаться в счете, берет 40 яблок и каждые сутки убирает по одному из них (Даргинские сказки, 1963. С. 31). В сказке «Шах и бедная девушка» говорится о том, что за семью горами растет красивое [священное] дерево (Даргинские сказки, 1963. С. 100), а за семью морями находится дворец (Даргинские сказки, 1963. С. 102). В сказке «Как гадалка судьбу предсказала» мертвый юноша воскресает через 7 лет (Даргинские сказки, 1963. С. 108).

Число 40 фигурирует в одной из легенд о происхождении кубачинцев. Академик Д.Н. Анучин (1843–1923), известный географ, археолог и этнограф, посетивший в 1882 г. с. Кубачи, в своей работе «Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года» приводит легенду о французском происхождении кубачинцев, записанную им с помощью сопровождавших его переводчиков, как он отмечает, «со слов отца помощника старшины ..., заслуженного старика ...». Д.Н. Анучин пишет: «О своем происхождении кубачинцы рассказывают следующее: Шамхал Тарковский обратился однажды к французскому королю с просьбой прислать ему сорок оружейных мастеров. Тот прислал. Они жили сперва у шамхала, а затем поселились в Дербенте. Но они были народ неуживчивый, ссорились с жителями и поэтому должны были покинуть город. Когда они вышли, жители заперли за ними ворота, чтобы не впускать более». Далее в легенде говорится, что кубачинцы-мастера из Дербента ушли в горы и поселились на нынешнем месте (Анучин Д.Н., 1884. С. 406, 409). Эта же легенда о происхождении кубачинцев от европейцев, как наиболее распространенная до начала XX в., приводится и в работе Р.М. Магомедова «Легенды и факты о Дагестане» (Магомедов Р.М., 1969. С. 33–34), а также в книге Ф.О. Абакаровой «Кубачинский фольклор» со ссылкой на труды Д.Н. Анучина и А.В. Комарова (Абакарова Ф.О., 1996. С. 7, 245).

В одной из юмористических песен о кубачинских мастерах говорится: «С гор свалившись (в пьяном состоянии), сорок дней лежал Гаджи» (Абакарова Ф.О., 1996. С. 54, 108).

В даргинской сказке «Злой бываю – сорок убиваю» юноша одним ударом убивает 40 врагов (Даргинские сказки, 1963. С. 114). Там же говорится о 40 братьях-нартах (Даргинские сказки, 1963. С. 115). В сказке «Не ложь, так правда» упомянуты 40 ульев и 40 мешков риса (Даргинские сказки, 1963. С. 119–120). А в сказке «Три брата» 40 дней и 40 ночей длится свадьба (Даргинские сказки, 1963. С. 139) и т.д., и т.п. Числа 7 и 40 больше всего встречаются в волшебных сказках, меньше в бытовых и в сказках о животных, что еще раз подчеркивает сакральность этих чисел.

Почитание чисел известно, как уже отмечалось, не только у кубачинцев, даргинцев, но и других народов Дагестана и Кавказа в целом, у многих народов мира (Энциклопедия символов, 2005. С. 42–94). На Кавказе, как показывают археологические материалы и данные мифологии, особое отношение к числам 7 и 40 имеет глубокую древность. Об этом свидетельствует, например, изображение, выгравированное на одном из бронзовых топоров, найденном в Кобанском

могильнике начала I тыс. до н.э. в Северной Осетии - Алании, которое воспроизводит сцену борьбы человека, вооруженного луком со стрелами, с семью змеями (Материалы по археологии Кавказа, 1900. С. 22. Рис. 23–25). Это изображение, как показал Л.П. Семенов, передает один из эпизодов нартского эпоса (Семенов Л.П., 1945. С. 58), основное ядро которого «было создано в ранний период железного века» (Крупнов Е.И., 1960. С. 373).

Почитание чисел, числовые суеверия и предрассудки, по мнению профессора И. Чистякова, «уходят своими корнями в отдаленную древность, ко временам халдейской и шумерийской культуры, которая наряду со своими положительными достижениями передала последующим поколениям и свою теневую сторону в виде разного рода суеверий» (Чистяков И., 1968. С. 131).

Известно, что у народов Древнего Востока значительное развитие получили астрономия и математика. Но достижения этих наук жрецами использовались для мистических и суеверных целей. Как далее отмечает И. Чистяков, «в религиозных сказаниях, верованиях и заклинаниях, распространенных среди простого народа и во множестве дошедших до нас ..., особенно часто упоминается число 7, как это имеет место до сих пор в народных заговорах и заклинаниях» (Чистяков И., 1968. С. 127).

Почитание числа 7 у древневосточных народов было связано с обожествлением семи небесных светил – Солнца, Луны и пяти видимых невооруженным глазом планет (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн). На этой основе и сложилась еще в древнем Вавилоне семидневная неделя, впоследствии перенятая евреями, греками и римлянами (Календарь атеиста, 1967. С. 227).

По мнению же М.И. Шахновича, «почитание числа 7 у древневосточных народов было связано с широко распространенным культом Луны. В течение лунного месяца – 28 дней – Луна прибывает и убывает, проходя 4 фазы. Они сменяются через каждые 7 дней, что привело к созданию лунного календаря, основанного на семидневной неделе. Каждый седьмой день находится как бы в состоянии покоя. У многих народов он был посвящен богине Луны. День, в который она отдыхает, считался зловещим, опасным днем для совершения каких-либо действий» (Шахнович М.И., 1969. С. 51). Поэтому, согласно древнеавилонским законам, седьмой день Бог сделал священным и повелел отдыхать в этот день от всяких трудов (Шахнович М.И., 1969. С. 51).

Культура ассирийцев и вавилонян оказала сильное влияние на соседние народы. Вместе с элементами культуры ими была воспринята и числовая мистика. Число 7 вошло в священные книги евреев. К этому прибавилось еще число 40, вошедшее в христианскую и в мусульманскую религии. Числа 7 и 40 в христианской и иудейской религиях, в культе, обрядах и догматике имеют особое значение (Энциклопедия символов. 2005. С. 63–66, 83–84). В гораздо меньшей степени число 7 выражено в мусульманской религии. Согласно Корану, Аллах «создал семь небес рядами» (Коран, 1963. 67, 3), как «... семь твердей» (78, 12). Согласно мусульманской обрядности, на 7-й и 40-й дни устраиваются поминки по умершему человеку.

Число 7 считалось священным у древних греков, римлян (римлян радовало, что Рим построен на 7 холмах, они считали, что река Стикс 7 раз обтекает ад, разделенный у Вергилия на 7 областей» (Чистяков И., 1968. С. 127–129). Число 7 является священным в браминском и буддийском вероучении и богослужении (Чистяков И., 1968. С. 129; Энциклопедия символов. 2005. С. 66).

Достижения в области астрономии и классической математики были унаследованы в средние века арабами, которые сами достигли высокой для своего времени степени развития этих наук. Но при этом арабской науке был в сильной

степени присущ мистический элемент, и они (арабы) разделяли многие суеверия (*Чистяков И.*, 1968. С. 129). В покоренных арабами странах вместе с достижениями науки и культуры распространились и разного рода числовые предрассудки. Влияние арабской культуры и науки коснулось не только завоеванных арабами стран, но и средневековой европейской культуры. Вместе с элементами научного знания европейцы усваивают при этом астрологические и числовые предрассудки (*Чистяков И.*, 1968. С. 130).

Что касается почитания чисел 7 и 40 у кубачинцев и других народов Дагестана, то это явление стадияльно относится, вероятно, к доисламскому пласту народных верований, слившихся впоследствии с мусульманской религией.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакарова Ф.О.*, 1996. Кубачинский фольклор: Этнолокальные особенности. Махачкала.
- Абакарова Ф.О., Алиева Ф.А.*, 1999. Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. Махачкала.
- Анучин Д.Н.*, 1884. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИРГО. Т. XX. Вып. 4.
- Булатов А.О.*, 1991. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала.
- Даргинские сказки / Перев., предисл. и примеч. М.-З. Османова. 1963. М.
- Календарь атеиста. 1967. М.
- Коран / Перев. и коммент. И.Ю. Крачковского. 1963. М.
- Крупнов Е.И.*, 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Магомедов Р.М.*, 1964. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала.
- Магомедов Р.М.*, 1969. Легенды и факты о Дагестане: Из записных книжек историка. Махачкала.
- Магомедов А.А.*, 1963. Кубачинский язык. Тбилиси.
- Маммаев М.М.*, 2005. Зирихгеран-Кубачи: Очерки по истории и культуре. Махачкала.
- Материалы по археологии Кавказа, 1900. Вып. VIII. / Под ред. П.С. Уваровой. М.
- Песни народов Дагестана, 1970. / Вступ. статья, сост., подготовка текстов и примеч. Н.В. Капиевой. Л.
- Семенов Л.П.*, 1945. Нартские памятники Северной Осетии // Нартский эпос. Дзауджикау.
- Чистяков И.*, 1968. Числовые суеверия // Наука и жизнь. № 8.
- Шамилев А.И.*, 1963. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный.
- Шахнович М.И.*, 1969. Мифы о сотворении мира. М.
- Шиллинг Е.М.*, 1949. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М., Л.
- Энциклопедия символов, 2005. / Сост. В.М. Рошаль. М.; СПб.